Русскія вид шопи, 1912

«Дама съ камеліями» въ театрѣ Незлобина. «Дамы съ камеліями» вышли всѣ сроки, интересъ къ ней, когда-то такой большой и взволнованный, исчерпанъ до послѣдняго дна. И можно было думать, что сантиментальная драма о вакханкѣ съ душой мадонны окончателно выбыла изъ строя. Заграничныя гастролерши еще дѣлаются за чашечку и бѣлый пенюаръ Маргариты Готье, еще играютъ ее, по инерціи, по памяти о былыхъ триумфахъ. Но на регулярной русской сценѣ, казалось, уже нѣтъ къ ней возврата.

Театръ Незлобина и г-жа Рощина-Инсарова разсудили иначе. И третьяго дня вернулась на сцену Маргарита Готье со всею своею слезоточивостью и во всей ненужности своей жертвы какому-то нелѣпому, лишь въ мелодраматическомъ порывѣ сочиненному призраку. Стоило ли отважиться на такой рискованный экспериментъ? Только совершенно исключительныя качества исполненія, только весь блескъ и виртуозность Сары Бернаръ, только весь гений, вся глубина сценическихъ страданій Дузе, вся чарующая юность, обаятельность и красота Тины Дилоренцо, тончайшее мастерство Режанъ могли заслонить опасный возрастъ и художественную нищету «Дамы съ камеліями». Предполагались, можетъ-быть, и въ исполненіи несомнѣнно талантливой г-жи Рощины-Инсаровой вотъ такія экстраординарныя и всеискупающія качества? Эта чрезмѣрная претензія въ спектаклѣ не оправдалась. И хотя въ антрактахъ шумѣли аплодисменты (зрительная зала незлобинскаго театра—вообще весьма экспансивная, на выраженія восхищенія тароватая),—я не думаю, чтобы зритель былъ слишкомъ увлеченъ, чтобы былъ онъ сколько-нибудь властно втянутъ своими сочувствіями въ многострадальныя судьбы умирающей отъ любви и ча-

хотби Маргариты Готье. Зритель не только не былъ потрясенъ зрѣлищемъ всего этого, но даже и недостаточно растроганъ. Съ третьяго акта актрисы, играющія Маргариту, обыкновенно начинаютъ собирать обильныя дани слезъ. Чувствительность уже поддѣта на наивныя приманки, внятіе шуршатъ въ зрительной залѣ носовыя платки,—первые показатели успѣха такого рода пьесъ. Къ сценѣ

умиранія въ бѣломъ пенюарѣ чувствительность разбережена уже во-всю, слезы бѣгутъ струями. Такъ непремѣнно должно быть, для того написана и играется эта трогательнѣйшая исторія о безгрѣшной грѣшницѣ. И такъ не было, когда третьяго дня играла г-жа Рощина-Инсарова.

Когда я стараюсь объяснить себѣ, почему не было, почему въ этой столь трогательной роли не была артистка трогательна, не дѣлала того, что умѣла сдѣлать въ «Обнаженной»,—я прежде всего вижу одинъ грѣхъ исполненія,—всегда губительный. Г-жа Рощина-Инсарова полна страха, что вдругъ зритель недооцнитъ ее, не пойметъ, что она играетъ какъ артистка *primi ordinis*, и потому она меньше живетъ въ своей роли, чѣмъ демонстрируетъ свое тонкое искусство, щеголяетъ имъ. Особенно хочется пощеголять, повеличаться тѣмъ, что она совсѣмъ какъ французская актриса, всей манерой игры. И отъ этого наивнаго щегольства, которое такъ ненужно по-настоящему талантливой Рощины-Инсаровой, пропадаютъ простота и правда исполненія. Нѣкоторые жесты, мимическія движенія, интонаціи такъ прикричатъ о томъ, что вотъ-де мы какія, совершенно какъ у знаменитыхъ заграничныхъ гастролерш! И дѣлается непріятно. При такихъ условіяхъ болѣе чѣмъ трудно быть растроганной ролью и растрогать ею зрителя, потому что первое условіе трогательности—простота, искренность. Актёр охорашивающійся, кокетничающій своимъ искусствомъ этого эффекта трогательности никогда не достигнетъ. И такъ какъ указаннаго щегольства и потому искусственности было особенно много въ первыхъ двухъ актахъ, въ нихъ г-жа Рощина-Инсарова произвела наименѣе сильное и наиболѣе невыгодное, немного досадное впечатлѣніе.

Съ третьяго акта дѣло пошло много лучше. Правда, и тутъ были кусочки искусственные, щеголеватые; правда, и тутъ была какая-то нарочитая монотонность, невѣдомо для чего воцарившаяся на этотъ разъ въ исполненіи. И, наиримѣръ, сцена съ Дювалемъ-отцомъ или такъ потрясающая у Дузе сцена на балу, когда казнить Арманъ Маргариту, бросаетъ ей въ лицо слова презрѣнія и деньги,

совсѣмъ не вышли, несмотря на то, что у артистки, какъ всегда,—глаза, послушныя всѣмъ чувствамъ. Но прощаніе съ Арманомъ, въ концѣ третьяго акта, вдругъ засвѣтилось такой хорошей искренностью, такими задушевными, сосредоточенными чувствами. И въ первый разъ за спектакль стало жалъ Маргариту, болѣе отъ ея боли. Было хорошее и въ финальной сценѣ пьесы. Напрасно г-жа Рощина-Инсарова слишкомъ ужъ налегаетъ на задыханіе Маргариты, вообще на физическія страданія. Но когда она забываетъ задохаться, ловить воздухъ руками, ширить глаза,—она играетъ трогательно, а самый конецъ, послѣднія тихія мгновенія Маргариты, точно засыпающей на рукѣ Армана,—и поэтично. И опять стало жалъ бѣдную Маргариту, стало больно, что вотъ такъ нехѣло задушили эту милую, молодую жизнь. Эти кусочки исполненія говорили съ убѣдительною о талантѣ; эти кусочки были художественно-пріятны. Но они не могутъ искупить недочеты исполненія, а главное—никакъ не могутъ оправдать рѣшенія играть отжившую, специфически-гастролерскую роль.

Н. Эф.